

Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности

Нестик Т.А.

*ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru*

Цель исследования. Анализ социально-психологических механизмов, поддерживающих эффект лингвистической позитивности и ее динамику в условиях кризиса.

Контекст и актуальность. В условиях нарастания трудноконтролируемых климатических, военных, экономических и технологических угроз все более значимыми становятся исследования, направленные на выявление психологических механизмов, лежащих в основе готовности личности и группы позитивно оценивать себя, свою группу и мир в целом. Одним из результатов работы таких механизмов является эффект Поллианны — склонность людей отдавать предпочтение позитивной информации, проявляющаяся в оценках настоящего, воспоминаниях о прошлом и ожиданиях в отношении будущего, а также отражающаяся в преобладании позитивной лексики над негативной в словарном составе языка.

Основные выводы. Выделены индивидуальные, межличностные и групповые социально-психологические механизмы эффекта лингвистической позитивности, среди которых последние изучены значительно меньше остальных. На индивидуальном уровне эффект Поллианны поддерживается за счет закономерностей восприятия позитивной и негативной информации, эмоциональной контррегуляции, механизмов совладания и позитивных иллюзий, защищающих позитивную идентичность личности. На межличностном уровне такими механизмами являются совместные позитивные переживания, межличностная аттракция и доверие. На групповом уровне — групповая идентификация, позитивные групповые эмоции и механизмы, поддерживающие позитивную оценку своей группы: ингрупповой фаворитизм, перцептивные защиты, конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего. Обосновано предположение о том, что вклад групповой идентичности в обеспечение эффекта Поллианны возрастает в условиях кризисов, сопряженных с переживанием трудноконтролируемой угрозы и коллективной травмой. Намечены перспективные направления социально-психологических исследований в данной области.

Ключевые слова: эффект Поллианны; лингвистическая позитивность; позитивное искажение; позитивный сдвиг; кризис; военные конфликты; психологическое благополучие.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-18-00570, <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.

Для цитаты: Нестик Т.А. Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>

The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal and Group Identity Defense Mechanisms

Timofei A. Nestik

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Objective. *To study the socio-psychological mechanisms supporting the effect of linguistic positivity and its dynamics in crisis conditions.*

Background. *In the context of increasing hard-to-control climatic, military, economic and technological threats, research aimed at identifying the psychological mechanisms underlying the willingness of individuals and groups to positively evaluate themselves, their group and the world is becoming increasingly important. One of the results of such mechanisms is the Pollyanna effect — the tendency of people to give preference to positive information, manifested in assessments of the present, memories of the past and expectations about the future, and reflected in the prevalence of positive words over negative in the vocabulary of the language.*

Conclusions. *Individual, interpersonal and group socio-psychological mechanisms of the linguistic positivity effect have been identified, among which the former are much better studied than the others. At the individual level, the Pollyanna effect is supported by patterns of perception of positive and negative information, emotion counter-regulation, coping mechanisms, and positive illusions that protect the positive identity of the individual. At the interpersonal level, these mechanisms are shared positive experiences, interpersonal attraction, and trust. At the group level — group identification, positive group emotions and mechanisms supporting positive evaluation of one's group: ingroup favoritism, perceptual references, construction of collective memory and collective image of the future. The assumption that the contribution of group identity to the Pollyanna effect increases in crises associated with the experience of hard-to-control threat and collective trauma is stated. Promising directions of socio-psychological research in this area are outlined. The results of our empirical research indicate that group identity participates in the processes of emotional self-regulation and mobilization of psychological resources when experiencing an uncontrollable threat, reducing the level of individual and collective anxiety. Promising directions of socio-psychological research in this area are outlined.*

Keywords: *Pollyanna effect; linguistic positivity; positive bias; positive offset; crisis; military conflicts; psychological well-being.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-18-00570; <https://rscf.ru/project/24-18-00570/>.*

For citation: Nestik T.A. The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal and Group Identity Defense Mechanisms. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403> (In Russ.).

Введение

В периоды человеческой истории, когда личность и общество переживают трудноконтролируемую угрозу, растет не только уровень тревоги и депрессии, но и выраженность механизмов, поддерживающих индивидуальную и групповую жизнеспособность.

Одним из результатов работы таких механизмов является эффект Поллианны, или лингвистическая позитивность, проявляющийся в том, что люди предпочитают позитивную лексику негативной, а в более широком смысле — склонность отдавать предпочтение позитивной информации, проявляющаяся в оценках

настоящего, воспоминаниях о прошлом и ожиданиях в отношении будущего [11; 14; 17; 27; 33; 36; 56; 57; 71]. Для обозначения этого явления Дж. Бучер и Ч. Осгуд воспользовались именем героини романа американской писательницы Э. Портер, опубликованного в 1913 году. «Так даже лучше!» — не уставала повторять в трудных ситуациях жизнерадостная 11-летняя девочка Поллианна.

В социально-психологических исследованиях эта закономерность описывается как «позитивный сдвиг», «позитивное искажение» или «позитивно-негативная асимметрия» [26; 35; 37; 49]. Эффект лингвистической позитивности обнаружен не только в письменных текстах, но и в речи участников экспериментов, причем ему оказались более подверженными женщины и участники исследования с более выраженной экстраверсией [8]. Данный эффект проявляется при обсуждении трагических ситуаций, в частности при обсуждении врачами случаев смерти пациента [86].

Рост числа исследований динамики психологического состояния общества с опорой на анализ текстов открывает новые возможности для количественной исторической психологии, социальной психиатрии, психологии больших социальных групп и межгрупповых отношений. Тем важнее становится прояснение социально-психологических механизмов, лежащих в основе самого феномена лингвистической позитивности и его динамики.

Механизмы восприятия позитивной и негативной информации

Психофизиологические эксперименты свидетельствуют о том, что при низком уровне эмоционального возбуждения испытуемые быстрее реагируют на позитивную, а не на негативную информацию [16; 43]. И напротив, при вы-

соком эмоциональном возбуждении мы быстрее реагируем на негативные стимулы и дольше удерживаем на них внимание — эффект «предпочтения негативной информации», который может быть связан с ориентацией на распознавание потенциальной угрозы [10; 29]. Анализ эмоционально окрашенной лексики показывает, что позитивные слова более часто используются, но зато негативные состояния описываются более дифференцированно, так как относительно более редкие негативные события требуют более широкого репертуара реакций и обладают большей значимостью для обучения на своем и чужом опыте [66].

Результаты многочисленных исследований позволяют сделать вывод о взаимодополнительности эффектов позитивного сдвига и чувствительности к негативной информации, которую можно описать как соотношение «фона» и «фигуры»: позитивная оценка реальности служит основанием для сравнения, облегчающим выявление отклонений от нормы и мобилизацию когнитивных ресурсов для анализа информации об опасности [35]. Это подтверждается и лингвистическими данными о разнообразии лексики и частоте ее употребления как разных измерениях эмоционального опыта. Так, например, в словарном составе английского языка преобладает позитивная эмоциональная лексика, характеризующаяся низкой интенсивностью эмоций, но при росте интенсивности эффекта носители языка чаще используют слова с негативным значением [80].

Но при длительном переживании угрозы «фигура» и «фон» могут меняться местами: внимание неосознанно смещается на позитивные стимулы [65]. Этот эффект, получивший название эмоциональной контррегуляции, может проявляться в смещении внимания с не-

гативных новостей на позитивные, в том числе в поисковых запросах [1; 31]. Этот механизм может лежать в основе эффектов, обнаруженных в корпусных исследованиях: так, рост пессимизма и руминации по поводу негативных событий в текстах песен предшествует экономическим спадам [89], но во время длительного экономического кризиса и пандемии прослушивание песен с позитивной тональностью возрастает [62].

Возможные эволюционные предпосылки эффекта Поллианны

По-видимому, позитивный сдвиг может иметь эволюционное происхождение, так как дает определенные преимущества для выживания. Выдвинуто предположение о том, что «позитивное искажение» выработано как адаптационный механизм в ходе эволюции и могло сформироваться еще в период палеолита, так как позитивное настроение и оптимизм облегчали поиск креативных решений в трудных ситуациях, повышали продолжительность жизни, облегчали поиск пищи, выстраивание близких отношений, репродуктивное поведение и воспитание детей [26]. Оптимизм в отношении будущего может рассматриваться как сформировавшееся в ходе эволюции мотивационное искажение, связанное с тем, что мы стремимся к позитивным целям чаще, чем к негативным [45]. Позитивные эмоции повышают креативность и расширяют репертуар поведенческих стратегий при столкновении с новым [28], что можно рассматривать как один из эволюционно выработанных механизмов преадаптации. В странах с более высоким уровнем позитивных эмоций и психологического благополучия выше разнообразие поисковых запросов и готовность интернет-пользователей расширять свой кругозор [88].

Склонность обращать больше внимания на позитивные стимулы (слова, изображения, сообщения), чем на негативные, усиливается с возрастом и может быть связана с ростом значимости долгосрочных отношений и социоземotionalных целей, что также может иметь эволюционное значение: присутствие дедушек и бабушек в семье повышает выживаемость потомства у людей и некоторых других млекопитающих [64].

Как отмечают некоторые лингвисты, смысл эффекта Поллианны состоит не столько в том, что людям свойственно быть оптимистами, сколько в том, что мы считаем хорошее нормой, а не отклонением [5]. Одним из первых лингвистическую позитивность пытался объяснить Р. Зайонц, выдвинувший гипотезу о том, что она закрепляется через взаимовлияние часто используемой лексики и социальных установок. Слова, описывающие позитивные, желательные или предпочтительные аспекты реальности, употребляются чаще, а само повторение такой лексики в коммуникативных актах, в свою очередь, усиливает ориентацию на соответствующее социально желательное поведение, подкрепляя таким образом групповые нормы [84]. По существу, это объяснение опирается на сформулированную еще в XIX веке и получившую развитие в работах Г. Олпорта, Г. Одберта и Р. Кеттелла лексическую гипотезу: в языке закрепляются значимые и желательные для общества характеристики поведения, которые можно рассматривать как основу для построения классификаций личностных черт.

Это может быть одним из объяснений феномена, обнаруженного в исследованиях на основе пятифакторной модели личностных черт с привлечением больших выборок испытуемых: личностные характеристики образуют общий фак-

тор социальности, обладающий высокой кросс-культурной стабильностью, который можно интерпретировать как положительные черты, обеспечивающие социальную успешность и проявляющиеся в переживании позитивных эмоций, удовлетворенности жизнью и высокой самооценке [21; 75]. С точки зрения эволюционной психологии эта характеристика может рассматриваться как ориентация на медленную стратегию жизни, при которой выживание обеспечивается инвестициями в долгосрочные отношения и воспитание потомства, в противоположность быстрой стратегии, предполагающей короткую жизнь, полную риска, и большое число потомков [21]. Положительная оценка эволюционно значимых и желательных для общества особенностей поведения закрепляется в языковой картине мира.

Позитивный сдвиг и личностная идентичность

Эффект Поллианны поддерживается механизмами защиты позитивной идентичности личности, которая является условием психологического благополучия. Информация, угрожающая нашей идентичности, недооценивается и отвергается [49; 55; 75]. Позитивное представление о мире поддерживается позитивной самооценкой и позитивным сдвигом в восприятии себя: мы склонны позитивно реагировать на свое лицо и свое имя, а также с большей легкостью приписываем себе позитивные черты, чем негативные [49; 79; 87], склонны демонстрировать и признавать у себя позитивные эмоции, чем негативные [25; 26; 37], а также позитивно оценивать свое будущее [47].

В автобиографической памяти позитивные события теснее связаны с идентичностью личности, чем негативные [85]. Показано также, что моменты, свя-

занные с негативными эмоциями, быстрее блекнут в памяти, чем позитивные события, а сами негативные события со временем чаще переосмысляются как позитивные [78], поддерживая таким образом совладание с критическими ситуациями и психологическое благополучие. Причем этот эффект наблюдается не только на индивидуальном уровне, но и на уровне межличностном [46], а также на уровне группы и в межгрупповых отношениях [13].

Позитивное восприятие себя облегчает конструктивное совладание с трудностями, поддерживая стратегию движения навстречу, а не ухода [18]. В условиях неопределенности мы более склонны к так называемым «позитивным иллюзиям»: сверхоптимизму, преувеличению своей способности влиять на ситуацию, переоценке своих деловых качеств [73]. Такие иллюзии защищают позитивную идентичность личности и облегчают конструктивные действия, направленные на решение проблемы.

Я-концепция является динамической когнитивной структурой, регулирующей эмоциональные переживания [55]. Поддерживаемые позитивной личностной идентичностью эмоции, такие как радость, интерес, удовлетворение, гордость и любовь, расширяют репертуар стратегий поведения, облегчают адаптацию к новому, а также способствуют формированию психологических ресурсов личности и сохранению аутентичности [28]. Совместное переживание таких эмоций облегчает формирование чувства «Мы», повышает межличностную аттракцию, уровень доверия и просоциальные установки [90]. Испытывая позитивные эмоции, люди более склонны к сотрудничеству, поиску взаимовыгодных решений [20], а также к проявлению альтруизма [69]. В качестве одного из примеров про-

явления стремления к сотрудничеству может рассматриваться рост позитивности научных текстов, причем наличие позитивной лексики в научных статьях слабо, но статистически значимо коррелирует с их цитируемостью [52].

Позитивный сдвиг и групповая идентичность в условиях кризиса

В целом, социально-психологическая интерпретация эффекта лингвистической позитивности сводится к тому, что он облегчает завязывание социальных связей и внутригрупповое взаимодействие [8; 29; 80; 86]. Иными словами, в фокусе внимания лингвистов и социальных психологов остается межличностный контекст лингвистической позитивности, тогда как групповые и межгрупповые ее механизмы остаются значительно менее изученными.

Между тем можно предположить, что этот эффект тесно связан с групповой идентификацией и механизмами, поддерживающими позитивную оценку своей группы: ингрупповым фаворитизмом, позитивными автостереотипами, перцептивными защитами, конструированием коллективной памяти и коллективного образа будущего. Эти социокогнитивные механизмы влияют на оценку последствий тех или иных событий для своей группы, поддерживая позитивные групповые эмоции и коллективные переживания [9; 45; 53].

Можно выделить два пути влияния групповой идентичности на лингвистическую позитивность: во-первых, позитивная групповая идентичность повышает использование позитивной лексики для описания прошлого, настоящего и будущего своей группы; во-вторых, она может повышать психологическое благополучие членов группы за счет воспринимаемой социальной поддержки,

повышения субъективного контроля и самооценки [82], делая тем самым более вероятным использование позитивной лексики. Так, например, более частое использование местоимений первого лица множественного числа («Мы») положительно связано с показателями психологического здоровья [41].

Поиск смысла при выстраивании образа мира, а также позитивное переосмысление негативного опыта могут быть основными причинами разнообразия позитивной лексики [80]. При переживании неконтролируемой угрозы в периоды эпидемий, военных конфликтов и экономических кризисов совладание через активные действия или мысленный уход оказываются менее эффективными, чем перцептивные, мировоззренческие защиты, основанные на социальной категоризации и самоидентификации [6; 40]. Такие механизмы поддерживают веру в осмысленность и доброжелательность мира, возвращают чувство контроля и защищают от фрустрирующего социального сравнения. К ним можно отнести религиозность [34], базовые убеждения личности [39], веру в справедливость мира [24; 32], оправдание социальной системы [76]. Схожие функции выполняет группа социальных аксиом, выявленная на основе кросс-культурных исследований М. Бондом и К. Леунгом и получившая название динамической экстернатальности — вера в способность человека преодолеть силу обстоятельств [48]. Такие представления облегчают совладание с трудностями через их позитивное переосмысление, отражающееся в языковом поведении, что в конечном счете влияет на разнообразие и частоту использования положительно окрашенных слов.

В ряде исследований высказывается предположение о том, что снижение позитивности текстов в экономически раз-

витых странах на протяжении последних двух веков, по-видимому, отражающее снижение психологического благополучия общества, может быть связано с ростом индивидуализма, ослаблением сплоченности, значимости идентификации с группой и следования ее нормам [30; 31; 36; 42]. Показано, что рост «мягкости» американской культуры в последние 200 лет сопровождается ростом креативности, но имеет свою цену — «падение нравов», например, рост числа подростковых аборт [38]. Анализ лексических маркеров моральных оснований в текстах бывшей Британской империи (Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и Австралия) с 1800 по 1999 годы с помощью Google Ngram Viewer свидетельствует о наличии фактора высшего порядка «Asabiyyah» (социальная сплоченность и наличие коллективной цели). При этом рост индивидуализирующих моральных оснований и снижение связывающих моральных оснований авторы объясняют снижением межгрупповой конкуренции и растущей стабильностью условий жизни [81].

Вклад групповой идентичности в поддержку психологического благополучия и оптимизма возрастает при переживании трудноконтролируемой угрозы. В тех случаях, когда такая угроза носит макросоциальный характер, психологическое благополучие поддерживается через идентификацию с большими социальными группами, в том числе за счет усиления гражданской идентичности. Так, роль идентификации со страной возрастает в экономически неблагоприятные периоды: анализ текстов показывает, что частота употребления словосочетания «счастливая нация» возросла в периоды с низкими доходами американского населения, тогда как выражение «счастливый человек» — в

периоды с высокими доходами [60]. Частота лексических маркеров групповой идентичности существенно возрастает в периоды военных конфликтов. Анализ текстов электронных СМИ показывает, что в мирных странах наиболее часто используются слова, связанные с повседневной деятельностью: «время», «нравится», «игра», «играть», «хорошо», «команда», тогда как в странах, переживающих военные конфликты, чаще всего используются слова, поддерживающие гражданскую идентичность: «государство», «правительство», «страна», «суд», «общий», «закон» [51]. Использование местоимения «Мы» существенно возросло в англоязычных и арабоязычных блогах в периоды интенсивных военных действий в Ираке [54]. В русскоязычных текстах корпуса Google Ngrams с 1901 по 2009 г. наибольшая интенсивность использования слов, связанных с принадлежностью к группе (семья, группа, коллектив, общество, вместе и т.п.), приходится на 1942—1943 гг. [70]. Рост коллективной субъектности в 1941—1945 гг. отражается и в более частом употреблении слов с семантикой целеполагания [59]. Корпусные исследования также показывают, что не только во время непосредственного переживания угрозы существованию группы, но и после событий, сопряженных с коллективной травмой, возрастает частота использования местоимения первого лица множественного числа «Мы» [23; 61; 72].

Позитивное переосмысление в условиях кризисов поддерживается конструированием коллективной памяти и коллективного образа будущего. Гражданская идентичность облегчает символическое совладание с социальными изменениями, обеспечивая возможность сопоставления новых явлений с событиями коллективного прошлого. Одной из

форм совладания с кризисом является рост социального оптимизма — веры в благополучное будущее своей группы, обеспеченное совместными усилиями ее членов [2]. Нейробиологические исследования с использованием МРТ обнаружили связь индивидуального и социального оптимизма со структурами мозга, отвечающими за оценку своей и других групп, формирование аутистических стереотипов. Это дает основания предполагать, что позитивная оценка будущего своей группы может усиливаться аутистической дискриминацией [58]. Известно также, что чем сильнее групповая идентичность, чем более значимое место занимают социальные группы в Я-концепции личности, тем более позитивно оценивается их будущее [12]. Кроме того, есть эмпирические подтверждения того, что после переживания коллективной травмы позитивная оценка смещается с индивидуального будущего на будущее коллективное [74].

Проведенные нами ранее эмпирические исследования показывают, что гражданская идентичность не только повышает социальный оптимизм, но и поддерживает его стабильность в условиях кризиса. В период военного конфликта социальный оптимизм, тесно связанный с гражданской идентичностью, вносит более весомый вклад в экономические ожидания, чем уровень доходов и уверенность личности в своих силах. Более того, была обнаружена положительная связь между проактивностью личности и лояльностью к своей группе [2]. Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами другого исследования, показавшего, что в условиях военного конфликта и санкций гражданская идентичность вносит как прямой вклад в психологическое здоровье, так и непрямым — через позитивное переосмысление

и религиозные практики [3]. По данным исследования с использованием корпуса Google Ngrams, в периоды военных конфликтов аффективная компонента индивидуальной самооценки остается стабильной, тогда как когнитивная компонента, то есть приписывание себе позитивных черт, признание собственной компетентности, снижается [87]. К сожалению, историческая динамика лингвистических маркеров позитивной оценки своей группы остается пока не изученной, несмотря на значительный прогресс в определении лексических признаков силы групповой идентификации в онлайн-сообществах [7]. Между тем можно предположить, что в периоды военных конфликтов снижение уверенности личности в собственных силах компенсируется ростом позитивной гражданской идентичности и социального оптимизма.

Заключение

В целом проведенный нами теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что эффект Поллианны является результатом выработанных в ходе эволюции индивидуальных, межличностных и групповых социально-психологических механизмов, поддерживающих позитивную оценку человеком себя, значимых других, своей группы и мира в целом. Накопленные к настоящему времени эмпирические данные позволяют выдвинуть предположение о том, что вклад групповых механизмов в эффект Поллианны возрастает в периоды общественных кризисов. Это проявляется в повышении выраженности позитивной групповой идентичности, росте ее влияния на психологическое благополучие личности за счет ее вклада в воспринимаемую социальную поддержку, позитивные коллективные переживания, позитивное переосмысление, перцептивные защиты,

символическое совладание и социальный оптимизм.

Автоматизированный анализ больших корпусов текстов открывает перед социальной психологией новые возможности для изучения больших волн, длительных макропсихологических изменений. Корпусные исследования позволяют изучать влияние крупных исторических событий на психологическое состояние общества и отдельных социальных групп. Появляется возможность сопоставления динамики психологического состояния общества с политическими, экономическими и культурными процессами. Расширяется эмпирическая база для кросс-культурных сопоставлений, а также для изучения глобальных психологических феноменов. Вместе с тем следует иметь в виду целый ряд ограничений, характерных для такого рода исследований: влияние политических факторов, в том числе цензуры и самоцензуры авторов; неизбежные искажения в полученных данных, связанные с неполнотой корпусов и трудностями разграничения текстов разных жанров, места написания и издания рукописей; наконец, временной лаг между событиями и их отражением в текстах.

Намечая перспективные направления исследований в данной области, хотелось бы отметить необходимость перехода от выделения лексических маркеров индивидуальных психологических состояний к поиску лингвистических индикаторов динамики групповых социально-психологических феноменов: коллективных переживаний, характеристик групповой идентичности и языковой картины мира крупных социальных групп. Развитие больших языковых моделей, таких как ChatGPT и его аналоги, открывает широкие возможности для психолингвистического анализа текстов, что может

повысить точность не только диагностики, но и прогнозирования динамики психологического состояния общества по лингвистическим маркерам [63; 77]. Перспективной и пока не решенной задачей является разработка методологии анализа влияния исторических событий на психологическое состояние общества с опорой на автоматизированный анализ креолизованных текстов и изображений: фотографий, картин, плакатов и т.п.

Корпусные исследования открывают возможность для эмпирического изучения долгосрочных макропсихологических последствий военных конфликтов за последние 200 лет в различных обществах. Для повышения эффективности психологической помощи людям, пережившим военный конфликт, важно уточнить механизмы, связывающие самооффективность и оптимизм с разными формами гражданской идентичности [30; 60]. Все более важной задачей становится изучение по лингвистическим маркерам динамики веры в опасный и конкурентный мир, образа врага, этоса конфликта, коллективного нарциссизма, дегуманизации и ксенофобии. Но еще важнее становятся исследования динамики конструктивного патриотизма, сопереживания, генерализованного доверия, надежды, коллективной самооффективности и социального оптимизма в постконфликтных обществах.

Необходимы кросс-культурные исследования, которые позволили бы выявить особенности динамики психологического благополучия в обществах с разными политическими системами, в том числе в условиях высокой и низкой самоцензуры. До сих пор остается неясным, каковы последствия подавления негативных эмоций при самоцензуре для психологического благополучия личности и группы. В этой связи информатив-

ным может оказаться сопоставление позитивности текстов официальных СМИ с «интимными» жанрами, такими как лирика и дневниковые записи. Можно предположить, что за позитивной оценкой мира, себя и своей группы в этих текстах стоят разные социально-психологические механизмы.

Необходимы дополнительные экспериментальные исследования, которые позволили бы пролить свет на соотношение индивидуальных и групповых механизмов лингвистической позитивности. Чрезвычайно перспективными в этой связи представляются также лонгитюд-

ные исследования динамики отношения к коллективному прошлому и будущему. В частности, мы все еще мало знаем, при каких условиях усиливается или слабеет асимметрия в оценке своего и коллективного будущего: склонность переоценивать индивидуальное будущее и недооценивать будущее коллективное [74]. Для прояснения вклада символического совладания в лингвистическую позитивность большую ценность представляют исследования динамики содержания коллективной памяти и образа коллективного будущего в индивидуалистических и коллективистических культурах.

Литература/References

1. Белинская Е.П., Столбова Е.А., Цикина Е.О. Динамика информационных поисковых запросов о COVID-19 на этапе самоизоляции // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 105–119. DOI:10.17759/sps.2020110408
Belinskaya E.P., Stolbova E.A., Tsikina E.O. The Dynamics of Information Search Queries about COVID-19 at the Self-Isolation Stage. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 105–119. DOI:10.17759/sps.2020110408 (In Russ.).
2. Нестик Т.А. Психологические механизмы экономического оптимизма в условиях кризиса // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1(202). С. 23–34. DOI:10.47711/0868-6351-202-23-34
Nestik T.A. Psychological Mechanisms of Economic Optimism amid the Crisis. *Studies on Russian Economic Development*. 2024. Vol. 35, no. 1, pp. 13–20. (In Engl.).
3. Татарко А.Н. Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей / отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хашченко, А.Е. Воробьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 408–502.
Tatarco A.N. Grazhdanskaya identichnost' i mental'noe zdorov'e rossiyan: rol' psikhologicheskikh strategii sovladaniya v usloviyakh sanktsionnoi politiki [Civic identity and mental health of Russians: the role of psychological strategies of coping under the conditions of economic sanctions]. In T.V. Drobysheva, T.P. Emel'yanova, T.A. Nestik, N.N. Khashchenko, A.E. Vorob'eva (eds.). *Aktual'nye problemy sovremennoi sotsial'noi psikhologii i ee otraslei [Actual problems of contemporary social psychology and its branches]*. Moscow: IP RAS, 2023, pp. 408–502. (In Russ.).
4. Abendroth J., Nauroth P., Richter T., Gollwitzer M. Non-strategic detection of identity-threatening information: Epistemic validation and identity defense may share a common cognitive basis. *PLoS one*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. e0261535. DOI:10.1371/journal.pone.0261535
5. Armstrong N., Hogg C. The Pollyanna Principle in French: A study of variable lexis. *Journal of Pragmatics*, 2002. Vol. 33, no. 11, pp. 1757–1785.
6. Arndt J., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Simon L. Suppression, accessibility of death-related thoughts, and cultural worldview defence: Exploring the psychodynamics of terror management. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997. Vol. 73, no. 1, pp. 5–18.

7. Ashokkumar A., Pennebaker J.W. Tracking group identity through natural language within groups. *PNAS nexus*, 2022. Vol. 1, no. 2, pp. pgac022. DOI:10.1093/pnasnexus/pgac022
8. Augustine A.A., Mehl M.R., Larsen R.J. A positivity bias in written and spoken English and its moderation by personality and gender. *Social Psychological and Personality Science*, 2011. Vol. 2, no. 5, pp. 508–515.
9. Barsade S.G., Gibson D.E. Group Affect: Its Influence on Individual and Group Outcomes. *Current Directions in Psychological Science*, 2012. Vol. 21, no. 2, pp. 119–123. DOI:10.1177/0963721412438352
10. Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. Bad is stronger than good. *Review of general psychology*, 2001. Vol. 5, no. 4, pp. 323–370. DOI:10.1037/1089-2680.5.4.323
11. Bentley R.A., Acerbi A., Ormerod P., Lampos V. Books average previous decade of economic misery. *PloS one*, 2014. Vol. 9, no. 1, pp. e83147. DOI:10.1371/journal.pone.0083147
12. Berntsen D., Rubin D.C. Collectives closer to the self are anticipated to have a brighter future: Self-enhancement in collective cognition. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2024. Vol. 153, no. 5, pp. 1226–1235. DOI:10.1037/xge0001550
13. Birtel M.D., Di Bernardo G.A., Vezzali L. Fading affect bias in intergroup relations: The role of intergroup contact in fading outgroup affect. *Social Psychology*, 2021. Vol. 52, no. 4, pp. 203–214.
14. Bochkarev V.V., Solovyev V.D., Nestik T.A., Shevlyakova A.V. Variations in average word valence of Russian books over a century and social change. *Investigations on applied mathematics and informatics. Part II–1, Zapiski Nauchnykh Seminarov POMI*, 2023. Vol. 529, pp. 24–42. URL: <http://ftp.pdmi.ras.ru/pub/publicat/zns/v529/p024.pdf> (Accessed 25.09.2024)
15. Bollen J., Ten Thij M., Breithaupt F., Barron A.T.J., Rutter L.A., Lorenzo-Luaces L., Scheffer M. Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2021. Vol. 118, no. 30, pp. e2102061118. DOI:10.1073/pnas.2102061118
16. Booy R.M., Carolan P.L. The role of selective attention in the positivity offset: Evidence from event related potentials. *PloS one*, 2021. Vol. 16, no. 11, pp. e0258640. DOI:10.1371/journal.pone.0258640
17. Boucher J., Osgood C.E. The Pollyanna hypothesis. *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*, 1969. Vol. 8, no. 1, pp. 1–8. DOI:10.1016/S0022-5371(69)80002-2
18. Cacioppo J.T., Gardner W.L., Berntson G.G. The affect system has parallel and integrative processing components: Form follows function. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999. Vol. 76, no. 5, pp. 839–855. DOI:10.1037/0022-3514.76.5.839
19. Campbell-Sills L., Barlow D.H., Brown T.A., Hofmann S. G. Acceptability and suppression of negative emotion in anxiety and mood disorders. *Emotion*, 2006. Vol. 6, no. 4, pp. 587–595. DOI:10.1037/1528-3542.6.4.587
20. Carnevale P.J. Positive effect and decision frame in negotiation. *Group Decision and Negotiation*, 2007. Vol. 17, pp. 51–63.
21. Chua K.J., Lukaszewski A.W., Manson J.H. Do Early Life Experiences Predict Variation in the General Factor of Personality (GFP)? *Adaptive Human Behavior and Physiology*, 2021. Vol. 7, pp. 447–470.
22. Cichocka A. Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism. *European Review of Social Psychology*, 2016. Vol. 27, no. 1, pp. 283–317. DOI:10.1080/10463283.2016.1252530
23. Cohn M.A., Mehl M.R., Pennebaker J.W. Linguistic markers of psychological change surrounding September 11, 2001. *Psychological Science*, 2004. Vol. 15, no. 10, pp. 687–693.
24. Dalbert C. Functions of the Belief in a Just World. *The Justice Motive as a Personal Resource. Critical Issues in Social Justice*. Springer, Boston, MA, 2001, pp. 73–127. DOI:10.1007/978-1-4757-3383-9_3
25. Diener E., Diener C. Most people are happy. *Psychological science*, 1996. Vol. 7, no. 3, pp. 181–185.

26. Diener E., Kanazawa S., Suh E.M., Oishi S. Why People Are in a Generally Good Mood. *Personality and social psychology review*, 2015. Vol. 19, no. 3, pp. 235–256. DOI:10.1177/1088868314544467
27. Dodds P.S., Clark E.M., Desu S., Frank, et al. Human language reveals a universal positivity bias. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015. Vol. 112, no. 8, pp. 2389–2394. DOI:10.1073/pnas.1411678112
28. Fredrickson B.L. The role of positive emotions in positive psychology. The broaden-and-build theory of positive emotions. *The American psychologist*, 2001. Vol. 56, no. 3, pp. 218–226. DOI:10.1037/0003-066x.56.3.218
29. Garcia D., Garas A., Schweitzer F. Positive words carry less information than negative words. *EPJ Data Science*. 2012. 1:3. DOI:10.1140/epjds3
30. Greenfield P.M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, no. 9, pp. 1722–1731. DOI:10.1177/0956797613479387
31. Greving H., Sassenberg K. Threatened individuals prefer positive information during Internet search: An experimental laboratory study. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2018. Vol. 12, no. 1, Article 6. DOI:10.5817/CP2018-1-6
32. Hafer C.L., Busseri M.A., Rubel A.N. et al. A Latent Factor Approach to Belief in a Just World and its Association with Well-Being. *Social Justice Research*, 2020. Vol. 33, pp. 1–17. DOI:10.1007/s11211-019-00342-8
33. Hills T.T., Proto E., Sgroi D., Seresinhe C.I. Historical analysis of national subjective wellbeing using millions of digitized books. *Nature Human Behaviour*, 2019, no. 3, pp. 1271–1275. DOI: 10.1038/s41562-019-0750-z
34. Hoogeveen S., Wagenmakers E.J., Kay A.C., van Elk M. Compensatory control and religious beliefs: A registered replication report across two countries. *Comprehensive Results in Social Psychology*, 2018. Vol. 3, pp. 240–265.
35. Hoorens V. Positivity bias. In Michalos A.C. (Ed.). *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht, Netherlands, 2014, pp. 4938–4941.
36. Iliev R., Hoover J., Dehghani M., Axelrod R. Linguistic positivity in historical texts reflects dynamic environmental and psychological factors. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016. Vol. 113, no. 49. E7871–E7879. DOI:10.1073/pnas.1612058113
37. Ito T.A., Cacioppo J.T. Variations on a human universal: Individual differences in positivity offset and negativity bias. *Cognition and Emotion*, 2005. Vol. 19, no. 1, pp. 1–26. DOI:10.1080/02699930441000120
38. Jackson J.C., Gelfand M., De S., Fox A. The loosening of American culture over 200 years is associated with a creativity-order trade-off. *Nature human behaviour*, 2019. Vol. 3, no. 3, pp. 244–250. DOI:10.1038/s41562-018-0516-z
39. Janoff-Bulman R. *Shattered assumption: Towards a new psychology of trauma*. N.Y.: Free Press, 1992. 256 p.
40. Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritsche I., Holbrook C., Nash K., Proulx T., Quirin M. Threat and defense: From anxiety to approach. *Advances in experimental social psychology*, 2014. Vol. 49, pp. 219–286.
41. Karan A., Rosenthal R., Robbins M.L. Meta-analytic evidence that we-talk predicts relationship and personal functioning in romantic couples. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2019. Vol. 36, no. 9, pp. 2624–2651. DOI:10.1177/0265407518795336
42. Kesebir P., Kesebir S. The cultural salience of moral character and virtue declined in twentieth century America. *The Journal of Positive Psychology*, 2012. Vol. 7, no. 6, pp. 471–480. DOI:10.1080/17439760.2012.715182
43. Kiehl K.A., Hare R.D., McDonald J.J., Brink J. Semantic and affective processing in psychopaths: An event-related potential (ERP) study. *Journal of Psychophysiology*, 1999. Vol. 36, no. 6, pp. 765–774.
44. Kunda Z. The case for motivated reasoning. *Psychological Bulletin*, 1990. Vol. 108, no. 3, pp. 480–498. DOI:10.1037/0033-2909.108.3.480

45. Kuppens T., Yzerbyt V.Y. Group-Based Emotions: The Impact of Social Identity on Appraisals, Emotions, and Behaviors. *Basic and Applied Social Psychology*, 2012. Vol. 34, no. 1, pp. 20–33. DOI:10.1080/01973533.2011.637474
46. Landau J.D., Gunter B.C. “Don’t worry; you really will get over it”: Methodological investigations of the fading affect bias. *The American Journal of Psychology*, 2009. Vol. 122, no. 2, pp. 209–217. DOI:10.2307/27784392
47. Lench H.C., Bench S.W. Automatic optimism: Why people assume their futures will be bright. *Social and Personality Psychology Compass*, 2012. Vol. 6, no. 4, pp. 347–360. DOI:10.1111/j.1751-9004.2012.00430.x
48. Leung K., Bond M.H., Reimel de Carrasquel S., Mu oz C., Hern ndez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T.M. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2002. Vol. 33, no. 3, pp. 286–302. DOI:10.1177/0022022102033003005
49. Lewicka M., Czapinski J., Peeters G. Positive-negative asymmetry or “When the heart needs a reason”. *European Journal of Social Psychology*, 1992. Vol. 22, no. 5, pp. 425–434. DOI:10.1002/ejsp.2420220502
50. Li M., Watkins H.M., Hirschberger G., Kretchner M., Leidner B., Baumert A. National glorification and attachment differentially predict support for intergroup conflict resolution: Scrutinizing cross country generalizability. *European Journal of Social Psychology*, 2023. Vol. 53, pp. 29–42. DOI:10.1002/ejsp.2881
51. Liebovitch L.S., Powers W., Shi L., Chen-Carrel A., Loustaunau P., Coleman P.T. Word differences in news media of lower and higher peace countries revealed by natural language processing and machine learning. *PLoS one*, 2023. Vol. 18, no. 11, pp. e0292604. DOI:10.1371/journal.pone.0292604
52. Liu X., Zhu H. Linguistic positivity in soft and hard disciplines: temporal dynamics, disciplinary variation, and the relationship with research impact. *Scientometrics*, 2023. Vol. 128, no. 5, pp. 3107–3127. DOI:10.1007/s11192-023-04679-5
53. Mackie D.M., Smith E.R. Intergroup emotions theory: Production, regulation, and modification of group-based emotions. In J.M. Olson (Ed.). *Advances in experimental social psychology*. Elsevier Academic Press, 2018, pp. 1–69.
54. Mark G., Bagdouri M., Palen L., Martin J.H., Al-Ani B., Anderson K.M. Blogs as a collective war diary. *Proceedings of the ACM 2012 conference on Computer Supported Cooperative Work*, 2012, pp. 37–46. DOI:10.1145/2145204.2145215
55. Markus H., Wurf E. The dynamic self-concept: A social psychological perspective. *Annual review of psychology*, 1987. Vol. 38, pp. 299–337.
56. Matlin M.W., Stang D.J. The Pollyanna Principle: Selectivity in Language, Memory, and Thought. Cambridge, Mass.: Schenkman Publishing Co., 1978. 226 p.
57. Matlin M.W. Pollyanna Principle. In R.F. Pohl (Ed.). *Cognitive illusions: Intriguing phenomena in thinking, judgment and memory* (2nd ed.). Routledge/Taylor & Francis Group, 2017, pp. 315–335.
58. Moser D.A., Dricu M., Wiest R., Schpbach L., Aue T. Social optimism biases are associated with cortical thickness. *Social cognitive and affective neuroscience*, 2020. Vol. 15, no. 7, pp. 745–754. DOI:10.1093/scan/nsaa095
59. Nestik T., Bochkarev V., Levina V. Dynamics of the Long-Term Orientation in Russian Society Over the Past 100 years: Results of the Analysis of the Russian Subcorpus of Google Books Ngram. In Agarwal N., Kleiner G.B., Sakalauskas L. (eds.). *Modeling and Simulation of Social-Behavioral Phenomena in Creative Societies. MSBC 2022. Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1717. Springer, Cham., 2023, pp. 126–136. DOI:10.1007/978-3-031-33728-4_9
60. Oishi S., Graham J., Kesebir S., Galinha I.C. Concepts of happiness across time and cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2013. Vol. 39, no. 5, pp. 559–577.

61. Orvell A., Gelman S.A., Kross E. What “you” and “we” say about me: How small shifts in language reveal and empower fundamental shifts in perspective. *Social and Personality Psychology Compass*, 2022. Vol. 16, no. 5, e12665. DOI:10.1111/spc3.12665
62. Palomeque M., de-Lucio J. The Soundtrack of a Crisis: More Positive Music Preferences During Economic and Social Adversity. *Journal of Happiness Studies*, 2024. Vol. 25, Article 44, pp. 1–24. DOI:10.1007/s10902-024-00757-4
63. Rathje S., Mirea D.M., Sucholutsky I., Marjeh R., Robertson C.E., Van Bavel J.J. GPT is an effective tool for multilingual psychological text analysis. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2024. Vol. 121, no. 34, pp. e2308950121. DOI:10.1073/pnas.2308950121
64. Reed A.E., Carstensen L.L. The theory behind the age-related positivity effect. *Frontiers in Psychology*, 2012. Vol. 3, Article 339. DOI:10.3389/fpsyg.2012.00339
65. Rothermund K., Gast A., Wentura D. Incongruity effects in affective processing: automatic motivational counter-regulation or mismatch-induced salience? *Cognition & Emotion*, 2011. Vol. 25, no. 3, pp. 413–425. DOI:10.1080/02699931.2010.537075
66. Rozin P., Berman L., Royzman E. Biases in use of positive and negative words across twenty natural languages. *Cognition & Emotion*, 2010. Vol. 24, no. 3, pp. 536–548. DOI:10.1080/02699930902793462
67. Sch tz A., Baumeister R.F. Positive illusions and the happy mind. In M.D. Robinson, M. Eid (Eds.). *The happy mind: Cognitive contributions to well-being*. Springer International Publishing/Springer Nature, 2017, pp. 177–193. DOI:10.1007/978-3-319-58763-9_10
68. Seidlitz L., Diener E. Memory for positive versus negative life events: Theories for the differences between happy and unhappy persons. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993. Vol. 64, no. 4, pp. 654–664. DOI:10.1037//0022-3514.64.4.654
69. Shin J., Choi H.W., Suh E.M., Koo J. Do happy teenagers become good citizens? Positive affect builds prosocial perspectives and behavior. *Korean Journal of Social and Personality Psychology*, 2013. Vol. 27, no. 3, pp. 1–21. DOI:10.21193/kjspp.2013.27.3.001
70. Skrebyte A., Garnett P., Kendal J.R. Temporal Relationships Between Individualism–Collectivism and the Economy in Soviet Russia: A Word Frequency Analysis Using the Google Ngram Corpus. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016. Vol. 47, no. 9, pp. 1217–1235. DOI:10.1177/0022022116659540
71. Solovyev V.D., Ivleva A.I. The difference in positivity of the Russian and English lexicon: The big data approach. *Russian Journal of Linguistics*, 2024. Vol. 28, no. 2, pp. 266–293. DOI:10.22363/2687-0088-35624
72. Stone L.D., Pennebaker J.W. Trauma in real time: Talking and avoiding online conversations about the death of Princess Diana. *Basic and Applied Social Psychology*, 2002. Vol. 24, no. 3, pp. 173–183. DOI:10.1207/S15324834BASP2403_1
73. Taylor S.E., Brown J.D. Positive illusions and well-being revisited: Separating fact from fiction. *Psychological Bulletin*, 1994. Vol. 116, no. 1, pp. 21–27. DOI:10.1037/0033-2909.116.1.21
74. Top u M.N., Hirst W. When the personal and the collective intersects: Memory, future thinking, and perceived agency during the COVID-19 pandemic. *Journal of experimental psychology. General*, 2024. Vol. 153, no. 9, pp. 2258–2278. DOI:10.1037/xge0001624
75. van der Linden D., Dunkel C.S., Petrides K.V. The general factor of personality (GFP) as social effectiveness: Review of the literature. *Personality and Individual Differences*, 2016. Vol. 101, pp. 98–105. DOI:10.1016/j.paid.2016.05.020
76. Van der Toorn J., Feinberg M., Jost J.T., Kay A.C., Tyler T.R., Willer R., Wilmoth C. A sense of powerlessness fosters system justification: Implications for the legitimization of authority, hierarchy, and government. *Political Psychology*, 2015. Vol. 36, no. 1, pp. 93–110.
77. Varnum M.E.W., Baumard N., Atari M., Gray K. Large Language Models based on historical text could offer informative tools for behavioral science. *PNAS*, 2024. Vol. 121, no. 42, e2407639121. DOI:10.1073/pnas.2407639121

78. Walker W.R., Skowronski J.J. The Fading affect bias: But what the hell is it for? *Applied Cognitive Psychology*, 2009. Vol. 23, no. 8, pp. 1122–1136.
79. Wang N., Li J., Zeng M., Yang J. Positive-negative asymmetry in self-related processing: From the perspectives of cognition and emotion. *Journal of Individual Differences*, 2022. Vol. 43, no. 4, pp. 180–187. DOI:10.1027/1614-0001/a000369
80. Warriner A.B., Kuperman V. Affective biases in English are bi-dimensional. *Cognition & Emotion*, 2015. Vol. 29, no. 7, pp. 1147–1167. DOI:10.1080/02699931.2014.968098
81. Woodley of Menie M.A., Figueredo A.J., Pe aherrera-Aguirre M., Jurgenssen J., Sarraf M.A. Moral foundations tracked over 200 years of lexicographic data, and their predictors. *Anthropological Review*, 2022. Vol. 85, no. 2, pp. 79–102. DOI:10.18778/1898-6773.85.2.04
82. Yu G., Wang Q. The Relationship between Group Identity and Individual Mental Health: Regulating Variables and Mechanism. *Environment and Social Psychology*, 2022. Vol. 6, no. 1, pp. 45–57. DOI:10.18063/esp.v6.i1.1393
83. Zaff J.F., Hair E.C. Positive development of the self: Self-concept, self-esteem, and identity. In M.H. Bornstein, L. Davidson, C.L.M. Keyes, K.A. Moore (Eds.). *Well-being: Positive development across the life course*, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003, pp. 235–251.
84. Zajonc R.B. Attitudinal effects of mere exposure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1968. Vol. 9, no. 2, Pt. 2, pp. 1–27. DOI:10.1037/h0025848
85. Zaragoza Scherman A., Salgado S., Shao Z., Berntsen D. Event centrality of positive and negative autobiographical memories to identity and life story across cultures. *Memory*, 2015. Vol. 23, no. 8, pp. 1152–1171. DOI:10.1080/09658211.2014.962997
86. Zhan J., Jin B. Does Pollyanna hypothesis hold true in death narratives? A sentiment analysis approach. *Acta Psychologica*, 2024. Vol. 245, pp. 104238. DOI:10.1016/j.actpsy.2024.104238
87. Zhang Y., Zou F., Jia S., Wang F. Mapping the Positive Self-Bias Embedded in Human Languages. *PsyArXiv*, 2024, July 20. DOI:10.31234/osf.io/mnv37
88. Zhou D., Patankar S., Lydon-Staley D.M., Zurn P., Gerlach M., Bassett D.S. Architectural styles of curiosity in global Wikipedia mobile app readership. *Science advances*, 2024. Vol. 10, no. 43, eadn3268. DOI:10.1126/sciadv.adn3268
89. Zhou J., Prinzing M.M., Le Nguyen K.D., West T.N., Fredrickson B.L. The goods in everyday love: Positivity resonance builds prosociality. *Emotion*, 2022. Vol. 22(1), pp. 30–45. DOI:10.1037/emo0001035
90. Zullo H.M. Pessimistic Rumination in Popular Songs and News Magazines Predict Economic Recession via Decreased Consumer Optimism and Spending. *Journal of Economic Psychology*, 1991. Vol. 12, no. 3, pp. 501–526.

Информация об авторах

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Information about the authors

Timofei A. Nestik, Doctor of Sciences, Professor of RAS, Head of Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow; Kazan Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>, e-mail: nestikta@ipran.ru

Получена 30.10.2024

Принята в печать 14.12.2024

Received 30.10.2024

Accepted 14.12.2024